

на предмет исключения из них еретических элементов.¹ Но и на этом этапе редакционной работы церковь целиком сохранила фантастический характер рассказа, хотя житие Георгия и вызывало резкие критические замечания даже со стороны церковных деятелей.

Если в более ранних редакциях жития Георгия центр тяжести был перенесен на его мученичество, то позднее агиографы дополнили это житие развернутым циклом чудес. В рукописях XI в. фигурируют уже три чуда (с колонной вдовы, с пронзенным образом, с плененным пафлагонским юношей).² Позднее к этим чудесам присоединяются еще шесть новых, причем знаменитое „Чудо с драконом“ всплывает лишь в рукописях XII—XIII вв.³ Повидимому, и цикл чудес был создан в восточной монашеской среде, где агиография расцвела особенно пышно.⁴

В эпизодах с чудесами Георгий чаще всего выступает в виде конного воина (ἑφιππος στρατιώτης), либо конного героя (ἄνιρ ἑφιππος).⁵ Вполне возможно, что эти облачья были навеяны живописными изображениями. Но более вероятно предположить, что эти явления были обусловлены изменением общественных интересов. Вообще, для цикла чудес показательное нарастание воинских элементов. В нем говорится и о сарацинах, и о критских корсарах, и о болгарах.⁶ В „Чуде с пронзенным образом“ так описывается икона Георгия: „он был облачен в военные доспехи, ноги его были защищены медными поножами, он держал в руке копье, и взгляд его вселял страх тем, кто на него смотрел“.⁷ Это описание, встречающееся в греческих рукописях XI в., ясно показывает, как изменились к этому времени представления о святом: из некогда скромного, хотя и поражавшего своей сказочной стойкостью и выносливостью мученика он превратился в грозного воителя. О причинах столь решительной трансформации мы скажем позднее, когда перейдем к иконографии Георгия. Сейчас же нам хотелось бы отметить, что „Чудо со змием“, в котором Георгий изображается сидящим на коне, в военных доспехах и с копьем в руках, не может быть столь позднего происхождения, как это полагали Крумбахер и Ауфхаузер.⁸ Из того факта, что оно впервые фиксируется в рукописях XII в., было бы преждевременным делать вывод о его столь же позднем возникновении. Несомненно, это чудо было пущено в оборот церковными кругами не позднее IX в., иначе его изображение не встречалось бы среди росписей ранних пещерных храмов Каппадокии (кон. IX—нач. XI в.). И поскольку даже столь критически настроенный исследователь, как Ауфхаузер, допускает, что ряд чудес Георгия восходит к устной традиции VIII в.,⁹ постольку есть все основания утверждать, что и „Чудо с драконом“ было впервые создано около этого же времени.¹⁰

¹ Там же, стр. 292—295.

² J. Aufhäuser. Ук. соч., стр. 1—4.

³ Там же, стр. 25, 237.

⁴ Там же, стр. 28—29.

⁵ Там же, стр. 2, 164.

⁶ Там же, стр. 3, 5, 7, 8.

⁷ Там же, стр. 164. Cod. Paris. gr. 1604, fol. 173 v. (XI в.). Это же „чудо“ фигурирует и в Cod. Mosq. bibl. syn. 381 от 1023 г.

⁸ K. Krumbacher. Ук. соч., стр. X, J. Aufhäuser. Ук. соч., стр. 237.

⁹ J. Aufhäuser. Ук. соч., стр. 237.

¹⁰ Весьма показательное, что такой тонкий знаток византийского искусства, как Я. И. Смирнов, относил появление сказания о чуде со змием к IX—XI вв. См. Я. Смирнов. Устюжское изображение св. Георгия Московского Большого Успенского Собора. — Древности. Труды имп. моск. арх. общ., Москва, 1916, т. XXV, стр. 145.